

**РОЛЬ БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ ЛЕГКОСТЬ – ТЯЖЕСТЬ,
СИЛА – СЛАБОСТЬ, ПУСТОЙ – ПОЛНЫЙ В СОЗДАНИИ
ОБРАЗОВ САБИНЫ И ФРАНЦА В РОМАНЕ М. КУНДЕРЫ
«НЕВЫНОСИМАЯ ЛЕГКОСТЬ БЫТИЯ»**

В статье рассмотрены бинарные оппозиции легкость – тяжесть, сила – слабость и пустой – полный, которые активно взаимодействуя друг с другом, оказываются системообразующими в характерах центральных героев романа М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия» – Томаши, Терезы, Сабины и Франца. В предложенной статье с точки зрения актуализации указанных бинарных оппозиций подробно рассмотрены образы Сабины и Франца.

Ключевые слова: бинарные оппозиции, роман М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия», образы Сабины и Франца.

Лит. 11.

EUGENE STEFANSKI,

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Samara Humanitarian Academy
(Samara, Russia)

**BINARY OPPOSITIONS LIGHTNESS – HEAVINESS,
STRENGTH – WEAKNESS, EMPTY – FULL IN CREATION OF
IMAGE SABINA AND FRANCE IN THE NOVEL «THE
UNBEARABLE LIGHTNESS OF BEING» BY M. KUNDERA**

The article deals with the ease of binary oppositions lightness – heaviness, strength – weakness, empty – full, which actively interact with each other, are systemically important of the characters in the central heroes of the novel M. Kundera's «The Unbearable Lightness of Being» – Thomas, Teresa, Sabina and Franz. In the proposed article in terms of actualization of these binary oppositions detail the images of Sabina and Franz. Sabina and Franz countered by the main characters of the novel – Tomas and Tereza – from the point of view of all actualized in the novel binary oppositions.

The article detailed analysis of meaning opposition lightness – heaviness on folk background. It is also informed that the semantic opposition full – empty connected «with the opposition of good and evil, wealth and poverty, happiness and misery, life and death».

Keywords: *binary opposition, M. Kundera's novel «The Unbearable Lightness of Being», images of Sabina and Franz.*

Ref. 8.

Євгеній СТЕФАНСЬКИЙ,
доктор філологічних наук, професор,
Самарська гуманітарна академія
(Самара, Росія)

**РОЛЬ БІНАРНИХ ОПОЗИЦІЙ ЛЕГКІСТЬ – ВАЖКІСТЬ,
СИЛА – СЛАБКІСТЬ, ПУСТИЙ – ПОВНИЙ У СТВОРЕННІ
ОБРАЗІВ САБІНИ ТА ФРАНЦА В РОМАНІ М.КУНДЕРИ «НЕ-
СТЕРПНА ЛЕГКІСТЬ БУТТЯ»**

У статті розглянуто бинарні опозиції легкість – важкість, сила – слабкість і пустий – повний, які активно взаємодіють між собою, є системоутворювальними в характерах центральних героїв роману М. Кундери «Нестерпна легкість буття» – Томаша, Терези, Сабіни й Франца. У цій статті з погляду актуалізації бинарних опозицій детально проаналізовано образи Сабіни й Франца.

Ключові слова: бинарні опозиції, роман М. Кундери «Нестерпна легкість буття», образи Сабіни й Франца.

Літ. 11.

Постановка проблеми. В романе М. Кундери «Невыносимая легкость бытия» вынесенная в заголовок и многократно обсуждаемая в тексте произведения бинарная оппозиция *легкость – тяжесть* активно взаимодействует с оппозициями *сила – слабость* и *пустой – полный*. Данное взаимодействие противопоставленных культурных концептов имеет глубокую культурную традицию, причем в зависимости от контекста и прагматики той или иной ситуации концепты, составляющие оппозицию, могут менять свои ценностные характеристики.

Так, в архаическом сюжете о Святогоре *тяжесть* и *сила* обладают негативной оценочностью. Облик этого былинного героя, как подчеркивает В.Я. Пропп, «унаследован от тех времен, когда огромный рост и нечеловеческая сила считались признаком истинного героя <...> Он отличается **не только гиперболической величиной и тяжестью, но и гиперболической силой**». Вместе с тем показательно, что из-за огромных размеров Святогора «**не носила мать сыра земля**», ему «не с кем силой померяться», «**грузно от силушки, как от тяжелого бремени**». На основе этих фактов В.Я. Пропп приходит к выводу о том, что «сила эта Святогору **в тягость**» [2, 78 – Выделено мною Е.С.].

Вместе с тем обряд бросания горсти земли в могилу участниками похорон несет уже достаточно противоречивую семантику. С одной стороны, этот обряд выполнялся, чтобы земля была «легкой», с другой, по белорусским поверьям, близкие родственники покойного не должны были этого делать, иначе умершему будет тяжело лежать в земле. Диалектика *легкости – тяжести* зафиксирована в поверье о том, что душа окончательно расстается с телом, когда на гроб упадет первая горсть земли [СД II, 316]. А по польским поверьям, душа оставляет тело при входе на кладбище, причем после этого гроб тяжелеет [СД II, 505].

С оппозицией *легкость – тяжесть* активно взаимодействует противопоставление *пустой – полный*. В энциклопедии «Славянские древности» справедливо отмечено, что семантическая оппозиция *полный – пустой* связана «с противопоставлением добра и зла, богатства и бедности, счастья и несчастья, жизни и смерти». Показательно, что многие магические действия, запреты и предписания, направленные на избежание или уничтожение зла, «часто бывают связаны с предотвращением контакта с пустыми предметами и объектами (ср. полес. *пустэ* ‘зло, нечистая сила’))» [СД IV, 145-146]. В предложенной культуре важным считалось сразу после родов заполнить пустоту роженицы, душу у которой забрал ребенок. Вот почему ее кормили мясом голубя – птицы, символизирующей душу [СД I, 516].

Цель статьи – исследовать бинарные оппозиции *легкость – тяжесть, сила – слабость* и *пустой – полный*, которые активно взаимодействуя друг с другом, оказываются системообразующими в характерах центральных героев романа «Невыносимая легкость бытия» – Томаша, Терезы, Сабины и Франца. В настоящей статье с точки зрения актуализации указанных оппозиций будут подробно рассмотрены два последних образа.

Сабина и Франц противопоставлены главным героям романа – Томашу и Терезе – с точки зрения всех актуализированных в романе бинарных оппозиций.

Если слабость Терезы становится ее силой, способной удержать Томаша около себя, то **сила** Франца оказывается его **слабостью**. Любить для него – значит отказаться от силы. Размышляя о своем возлюбленном, Сабина приходит к выводу: «Франц сильный, но его сила устремлена лишь вовне. По отношению к людям, с которыми он живет, которых любит, он слаб. Слабость Франца называется добротой» [НЛБ, 126].

На своей супруге Марии-Клод он женился *из жалости*, потому что «она угрожала ему, что покончит с собой, если он покинет ее». Это чувство Франца совсем не похоже на *soucité* (т. е. чуткость, способность

разделять радость и горе), которое испытывает Томаш к Терезе: «*Сама Мария-Клод не так уж ему и нравилась, зато любовь ее представлялась ему восхитительной. Ему казалось, что он недостойн такой большой любви, и чувствовал себя обязанным низко ей поклониться*» [НЛБ, 101].

Сильный Франц подобен Святогору. Его сила никому не нужна. Именно поэтому, наблюдая за Францем, который ходит по комнате с высоко поднятым стулом, Сабина находит это зрелище гротесковым, а из-под пера Кундеры выходит оксюморон, отражающий эту гротескность: осознавая все положительные качества Франца, Сабина хочет «изнасиловать эту интеллигентность, эту добросердечность, <...> **изнасиловать эту беспомощную силу**» [НЛБ, 132].

Гротеск как художественный прием и способ осмысления мира тесно связан с оксюмороном как фигурой речи. Оба порождены древнейшей оппозицией хаоса и космоса и вызывают, в свою очередь, прямо противоположные эмоциональные состояния (страх и смех) и рефлексии по поводу границы [см. подробнее: 1, 249-287].

Бесполезность своей силы осознает и сам Франц: «*Мне совсем плохо от того, что я сильный, но к чему в Женеве мои мускулы? Я ношу их как орнамент. Как павлиньи перья. Я ни с кем в жизни не дрался*» [НЛБ, 126].

Его обещание Сабине «Я защищу тебя при любых обстоятельствах. Я когда-то участвовал в соревнованиях по дзюдо» – это только слова. Он не может защитить даже себя, подвергшись нападению уличных бандитов в Бангкоке. Смертельно раненный Франц уже не в силах даже отвернуться от опостылевшей ему жены, а мертвый Франц «принадлежит своей законной жене так, как никогда прежде не принадлежал ей». На его памятнике начертана двусмысленная эпитафия «Возвращение после долгого блуждания».

Показательно, что, описывая эмоциональное состояние Франца, Кундера ни разу не использует метафор *легкости* или *тяжести*. Для человека, чья сила бесполезна, тяжесть может быть лишь буквальной: только в момент нападения Франц чувствует, как «что-то *тяжело* ударило его по голове» [НЛБ, 304].

Наоборот, для Сабины метафора легкости и тяжести оказывается очень важной. Она актуализируется в переломные моменты ее жизни. Узнав, что Франц рассказал жене об их связи, Сабина ощущает, как «Франц грубо взломал двери ее интимности». Она приходит к выводу, что «обнародованная любовь тяжелеет, становится *бременем*» и заранее съезживается «в ощущении этой воображаемой *тяжести*» [НЛБ, 130].

В Париже её приводит в ужас французский обычай устанавливать на могилу тяжелый камень: *«Когда мы заваливаем могилу камнем, это значит, мы не хотим, чтобы мертвый вернулся. Тяжелый камень говорит мертвому: “Останься там, где ты есть!”»* [НЛБ, 140].

Однажды покинув родину, Сабина уезжает от неё все дальше и дальше. Переехав в Америку, она боится быть похороненной в земле, где у неё нет ни дедушки, ни бабушки. Именно поэтому Сабина пишет завещание, требуя, чтобы её тело кремировали, а пепел был развеян: *«Сабина хочет умереть под знаком легкости. Она станет легче воздуха. По Пармениду, это есть превращение негативного в позитивное»* [НЛБ, 302].

Если любовь Томаша и Терезы держится на **верности** последней, то системообразующим концептом характера Сабины является **предательство**, весьма своеобразно трактуемое Кундерой: *«Предательство – это желание нарушить строй. Предательство – это значит нарушить строй и идти в неведомое. Сабина не знает ничего более прекрасного, чем идти в неведомое»* [НЛБ, 103].

Предательства (расставание с отцом, мужем, родиной, Францем) порождают вокруг Сабины **пустоту**. Если в жизни Терезы и Томаша пустота порождает страх, то Сабину и Франца объединяет очарование пустотой. Однако это очарование вызвано у Сабины и Франца разными причинами.

Сабина воспринимает пустоту взглядом художника, вынужденного творить в условиях тоталитаризма. Еще студенткой она создала цикл картин под названием «Кулисы»: *«На первом плане всегда был совершенно реалистический мир, а за ним, словно за разорванным полотном декорации, виднелось что-то другое, таинственное и абстрактное <...> Впереди была понятная ложь, а позади непонятная правда»* [НЛБ, 72].

Оказавшись в студенческие годы на молодежной стройке, Сабина случайно зашла на мессу в полуразрушенный храм: *«То, что она неожиданно встретила в храме, был не Бог, а красота. Притом она хорошо понимала, что этот храм и эти литании были прекрасны не сами по себе, а именно в сочетании с молодежной стройкой, на которой она проводила дни в гуле песен. Месса была прекрасна потому, что явилась ей внезапно и тайно, как отверженный мир. С той поры она знала, что красота – это отверженный мир. Мы можем встретить ее лишь тогда, когда гонители по ошибке забудут о ней. Красота спрятана за кулисой первомайского шествия. Если мы хотим найти ее, мы должны разорвать холст декорации»* [НЛБ, 125].

Франц, любяць пустым, «как спортивный зал», готическим собором в Амстердаме, очарован потому, что «этим огромным залом прошел Великий Поход истории»: «Люди нагромождают алтари, скульптуры, картины, стулья, кресла, ковры, книги, а потом приходит минута радостного облегчения, когда они **сметают** все это, как мусор со стола. Ты можешь представить себе **Геркулесову метлу (Herkulovo koště)**, которая **вымела бы этот собор?**» [НЛБ, 125].

Образ Геркулесовой метлы напрямую никак не связан с деяниями античного героя, которому (по крайней мере, в дошедших до нас мифах) не приходилось держать в руках метлу. По-видимому, чешск. *Herkulův* ‘Геркулесов’ употреблено здесь в значении ‘огромный, гигантский’, а слово *koště* ‘метла, веник’ использовано потому, что в традиционной народной культуре метла и веник мыслились как ритуальный сакральный предмет, очищающий творимый космос от обломков, частиц хаоса, а метение – как ритуальное действие космогонического характера [см. подробнее I, 122-153; СД I, 307-314; III, 231-236]. Таким образом, в сознании Франца *Геркулесова метла* – это некое огромное очистительное орудие, разрушающее старый мир и творящее новый.

Использование метлы и веника в очистительной и вредоносной магии нашло отражение в языке. См., например: чешск. *vzít na někoho koště* [букв. ‘взять на кого-то метлу’] ‘выгнать’ [SSČ, 147], русск. *знать поганой метлой*, серб. *Метлоу замету* (формула угрозы в заговорах) [СД I, 310].

Для Франца с его размеренной и порядком надоевшей ему жизнью пустой Амстердамский собор становится символом собственного освобождения: «Ему казалось, что он слышит голос, который призывает его **взять в руку Геркулесову метлу и вымести из своей жизни вернисажи Марии-Клод, певцов Марий-Анн, конгрессы и симпозиумы, пустые речи, пустые слова**» [НЛБ, 125].

Рисую сцену любовного соития Сабины и Франца глазами последнего, Кундера использует оппозицию *пустой – полный* и найденный им образ *Геркулесовой метлы*, очищающей жизнь его героя от всего опустылевшего и наполняющей ее новым смыслом: «Он казался себе всадником, скачущим на коне в великолепную **пустоту, пустоту** без супруги, без дочери, без домашних обязанностей, в великолепную **пустоту, выметенную Геркулесовой метлой**, в великолепную **пустоту**, которую **заполнит своей любовью**» [НЛБ, 133].

Уже после отъезда Сабины, решившей, ничего не объясняя, расстаться с Францем, он вдруг осознает, что главный дар, который преподнесла ему Сабина, – это именно Геркулесова метла: «Прежде чем исчезнуть с

его горизонту, она успела вложить ему в руку Геракловому метлу, коей он вымел из своей жизни все, чего не любил. Неожиданное счастье, покойствие, радость свободы и новой жизни – это был дар, который она поднесла ему» [НЛБ, 136].

Итак, символическую метлу как очистительное и одновременно космогоническое орудие, способное к матримониальной магии, Франц получает от Сабины. В этой связи примечательны зафиксированные в Моравии и Словакии обряды (которые, вероятно, были известны моравянину Кундере). Так, моравские девушки, чтобы к ним на посиделки пришли парни, сметали сор из углов дома на середину и говорили:

*Smetáme smeti, mladence, vdovce, Сметаем мусор, и молодцы, и вдовцы
nech přijde, kto chce s hory-doly – пусть приходит, кто хочет, и с
od stodoly. гор, и с долин, и из стодолы.*

Словацкие девушки мели пол и вели между собой магический диалог:

- Co meteš? - Что метешь?
- Chlapov. - Хлопцев.
- Odkiaľ? - Откуда?
- Zdola i zhora i z prostriedku dediny - С гор, долин, с середины села и
do tejto našej kutiny. прямо к нашему дому [СД III, 236].

После бегства Сабины Франц вдруг понимает, что «физическая близость с Сабинной оказалась для него менее важной, чем он предполагал», что «он был счастливее с Сабинной, претворившейся в незримую богиню, чем с Сабинной, которая сопровождала его по свету». Вся его жизнь «после Сабины» – это своего рода религия: «Все, что он делает, он делает ради Сабины и делает так, чтобы Сабине понравилось» [НЛБ, 136, 142-143]. Вместе с другими интеллектуалами на границе с Камбоджей он требует допустить в эту страну врачей, потому что, «прими он участие в этом походе, Сабина бы смотрела на него и радовалась. Она поняла бы, что он остался ей верен». Оглушенный ударом по голове во время уличного ограбления в Бангкоке, он вновь вспоминает Сабину и достигает той самой пустоты, которая его так очаровывала: «Потом он стал падать в пустоту. Вдруг – резкий толчок, и он потерял сознание» [НЛБ, 304].

Если Франц незадолго до своей гибели обретает настоящую легкость бытия, уйдя от жены к влюбившейся в него студентке, то относительно Сабины Кундера приходит к выводу, что целью всех ее предательств была пустота, позволяющая ей обрести невыносимую легкость бытия.

Ее расставание с Францем стало «не драмой тяжести, а легкости. На Сабину навалилась вовсе не тяжесть, а невыносимая легкость бытия». Если Томаш, стремясь избавиться от невыносимой легкости бытия, мчится вслед за Терезой в Прагу, то Сабина уезжает еще дальше от своей родины, еще дальше от Франца. И так же, как Франц, любит не Сабину, а ее образ, так и Сабина, которой уже некого предавать, любит образ двух стариков, в доме которых она жила в последние годы в Америке и которые олицетворяют образ недостижимого для нее семейного счастья.

Как мы видим, М. Кундера заставляет всех своих героев балансировать «на грани». Объясняя эту особенность сюжета своих произведений в романе «Невыносимая легкость бытия», он писал: «Герои моего романа – мои собственные возможности, которым не дано было осуществиться. Поэтому я всех их в равной мере люблю и все они в равной мере меня ужасают; каждый из них преступил границу, которую я сам лишь обходил. Именно эта преступаемая граница (граница, за которой кончается мое «я») меня и притягивает. Только за ней начинается таинство, о котором вопрошает роман. Роман – не вероисповедание автора, а исследование того, что есть человеческая жизнь в западне, в которую претворился мир» [НЛБ, 246-247].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агранович С.З. Миф в слове: продолжение жизни / С.З. Агранович, Е.Е. Стефанский. – Самара : Изд-во СаГА, 2003. – 168 с.
2. Пропп В.Я. Русский героический эпос. – М. : Лабиринт, 1999. – 636 с.
3. Стефанский Е.Е. Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах) : Монография / Е.Е. Стефанский. – Самара : Самар. гуманитар. акад., 2008. – 316 с.

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

- Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. / В.И. Даль. – М. : Русский язык, 1989 – 1991. (Даль)
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 томах. – М. : Международные отношения, 1999 – 2012 (СД).
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер. – М., 1987. (Фасмер)
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 тт. / П.Я. Черных. – М. : Русский язык, 1993. (Черных)
- Чешско-русский словарь : в 2-х тт. – Изд. 2-е, стереотип. – М. – Прага, 1976. (ЧРС)
- Rejzek J. Český etymologický slovník / J. Rejzek. – Praha : Leda, 2001. – 752 s. (Rejzek)

ТЕКСТЫ М. КУНДЕРЫ

Кундера М. Невыносимая легкость бытия / Пер. Н.Шульгиной. – СПб. : Азбука-классика, 2003. – 352 с. (НЛБ)

Kundera M. Nesnesitelná lehkost bytí Brno : Atlantis, 2007. – 341 s. (NLB)

REFERENCES

1. Agranovich S.Z. Mif v slove: prodolzhenie zhizni / S.Z. Agranovich, Ye.Ye. Stefanskiy. – Samara : Izd-vo SaGA, 2003. – 168 с.

2. Propp V.Ya. Russkiy geroicheskiy epos. – М. : Labirint, 1999. – 636 с.

3. Stefanskiy Ye.Ye. Emotsionalnye kontsepty kak fragment mifologicheskoy i sovremennoy yazykovykh kartin mira (na materiale kontseptov, obozna-chayushchikh negativnye emotsii v russkoy, polskoy i cheshskoy lingvokulturakh) : Monografiya / Ye.Ye. Stefanskiy. – Samara : Samar. gumanit. akad., 2008. – 316 s.

Dal V.I. Slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4-kh tt. / V.I. Dal. – М. : Russkiy yazyk, 1989 – 1991. (Dal)

Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar : v 5 tomakh. – М. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999 – 2012 (SD).

Fasmer M. Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka : v 4 tomakh / M.Fasmer. – М., 1987. (Fasmer)

Chernykh P.Ya. Istoriko-etimologicheskiy slovar russkogo yazyka : v 2 tt. / P.Ya. Chernykh. – М. : Russkiy yazyk, 1993. (Chernykh)

Cheshsko-russkiy slovar : v 2-kh tt. – Izd. 2-e, stereotip. – М. – Praha, 1976. (ChRS)

Rejzek J. Český etymologický slovník / J. Rejzek. – Praha : Leda, 2001. – 752 s. (Rejzek)

Kundera M. Nevynosimaya legkost bytiya / Per. N.Shulginoy. – СПб. : Azbuka-klassika, 2003. – 352 s. (NLB)

Kundera M. Nesnesitelná lehkost bytí Brno : Atlantis, 2007. – 341 s. (NLB)